УДК 81'2-3

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ И ТЕМПОРАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В ЛИРИКЕ БОРИСА ПАСТЕРНАКА И АНДРЕЯ БЕЛОГО

Н.С. КАСЮК
(Белорусский педагогический университет им. Максима Танка, Минск)

Актуальным направлением современной лингвопоэтики и стилистики является исследование специфики идиостилей отдельных авторов. Данная работа посвящена описанию пласта пространственной и темпоральной лексики как фрагмента индивидуальной поэтической картины мира. Исследование лексики писателя как лингвокультурного феномена позволяет установить специфику авторского употребления речевых средств, выявить закономерности и особенности их организации и функционирования. В данной статье рассматриваются особенности функционирования и взаимодействия пространственной и темпоральной лексики в поэтических идиолектах Андрея Белого и Бориса Пастернака. Ключевыми в творческой системе поэтов являются образы большого необозримого пространства и безграничного времени, бурные стихийные явления природы с повышенной динамичностью. Пространственная лексика является материалом для создания многочисленных тропов, отмеченных непредсказуемостью, оригинальностью, тем самым иллюстрируя нетрадиционное использование авторами самых обычных языковых средств.

Введение. В области лингвистической поэтики и стилистики художественной речи сегодня актуальным является изучение различных уровней поэтического языка, исследование вопросов индивидуального языкового творчества и определение специфики индивидуально-авторских систем отдельных писателей. В данной статье рассматриваются особенности функционирования и взаимодействия пространственной и темпоральной лексики в поэтических идиолектах Андрея Белого и Бориса Пастернака. Объектом исследования является поэтическая картина мира Андрея Белого и Бориса Пастернака. Предмет исследования – пространственная и темпоральная лексика в поэзии названных авторов. Материалом для изучения послужили примеры из поэтических произведений, извлеченные методом сплошной выборки.

Рубеж XIX – XX веков в масштабе европейской культуры – период смены мировоззренческих парадигм. Научное познание мира XX века кардинальным образом изменило представление человека об окружающей действительности, а изменение этих представлений оказало влияние на художественное мышление этого периода.

Для художественного мышления и образного отражения мира в XX веке характерны новая, более сложная организация пространства и времени в художественных произведениях; масштабность образов; отражение мира в движении, динамике; динамизм в образной структуре; не менее активное, чем в науке, стремление к познанию мира, к проникновению в глубь вещей, в невидимый мир, в скрытые связи и отношения; образное воплощение новых представлений о структуре мира, об отношениях человека и мира, человека и природы; художественный синтез контрастных и далеких вещей и представлений. Все эти особенности нашли отражение в поэтической речи авторов начала века, в том числе Андрея Белого и Бориса Пастернака.

Сопоставление двух, на первый взгляд разных, идиолектов – символиста Андрея Белого и эклектика (Б.М. Эйхенбаум) Бориса Пастернака – не случайно. Миромоделирование обоих авторов имеет общие точки соприкосновения.

О близости Бориса Пастернака к символизму говорили Б.М. Эйхенбаум и В. Альфонсов. Последний отметил: «Искусство символизма много дало Пастернаку. В первую очередь Блок и Белый. В каком-то отношении Пастернак вообще, на протяжении всего своего пути, был ближе к символизму, чем другие наши поэты постсимволистской эпохи» [1, с. 449; 2, с. 183].

У каждого автора есть сфера, ему особенно близкая. Борис Пастернак – философ не только по образованию, но и по мировосприятию. В центре внимания художника проблемы жизни и смерти, тайны мироздания, мимолетности времени и вечности бытия, состояния природы и человека: *И сады, и пруды, и ограды, / И кипящее белыми воплями / Мирозданье – лишь страсти разряды, / Человеческим сердцем накопленной* («Определение творчества», Паст.); *Но надо жить без самозванства, / Так жить, чтобы в конце концов / Привлечь к себе любовь пространства, / Услышать будущего зов* («Быть знаменитым некрасиво…», Паст.) и др. Философичность – важнейшая особенность пастернаковской лирики.

Андрей Белый также относится к авторам, которые мыслят крупномасштабными категориями: вселенная, пространство, время, космос, мир, бытие, вечность, хаос, жизнь, смерть, рок – эти понятия занимают центральное место в его поэтической картине мира: *Зевая над листом, / В небытие утонет, /*

Затянет вечным сном / Пространство, время, / Бога и жизнь, и жизни цель – / Железная дорога, / Холодная постель («Телеграфист», Бел.); *Говори: о безумьи миров, / Завертевшихся в танцах, / О смеющейся грусти веков, / О пьянящих багрянцах* («Поэт», Бел.); *Безмерные вселенные глядятся / В незрячих чувств бунтующие тьмы* («Н.В. Бугаеву», Бел.) и др. В/ Брюсов в рецензии на книгу А. Белого «Золото в лазури» так охарактеризовал эту особенность мировидения автора: «С дерзостной беззаветностью бросается он на вековечные тайны мира и духа, на отвесные высоты, закрывшие им дали…» [3, с. 69].

Надо отметить, анализируемая особенность творчества – масштабность, безграничность пространства и времени – характерна не только Б. Пастернаку и А. Белому. Однако нам представляется, что именно в поэтическом языке данных авторов эта тенденция проявилась максимально.

Философичность лирики А. Белого и Б. Пастернака отражена уже в заглавиях поэтических произведений: «Вечность», «Жизнь», «Смерть», «Время», «Прошлому» (А. Белый); «Пространство», «Божий мир», «Чувство жизни» (Б. Пастернак) и др. Как известно, заглавие содержит в сжатой форме основную идею произведения и является ключом к его пониманию.

Выбор авторами лексики подобного рода неслучаен: на него влияют особенности национального менталитета, литературная традиция и творчество предшественников, индивидуальный уровень языковой способности и субъективное мировосприятие. Именно в слове воплощаются мысль и чувство писателя, его восприятие и ощущение мира. За перечнем лексических групп прорисовываются принципы авторского осмысления и переживания действительности. В художественном слове проявляются свойства авторской семантико-стилистической системы, подчиненной определенным принципам отбора и эстетической трансформации лексического материала. Не случайны и совпадения в словаре различных поэтов – они во многом связаны с общностью мировидения. Выявление и рассмотрение ключевых слов, отражающих существенные черты индивидуально-авторского стиля, является шагом на пути к моделированию индивидуально-авторской картины мира [4, с. 214].

В основе любой картины мира лежат определяющие параметры – универсальные категории человеческого опыта, сознания и культуры – пространство и время. Названные понятия являются опорными, смыслообразующими координатами, без которых немыслима категориальная мировоззренческая модель реальности. Каждый художник создает свои образы *времени* и *пространства*. Пространство, создаваемое автором, может обладать своеобразными «географическими» свойствами, быть реальным или воображаемым (гипотетическим). Время может длиться столетья или часы. Художественное время, в отличие от времени объективно данного, использует многообразие субъективного восприятия времени. Пространство и время как формы существования реальности в произведении моделируются автором в соответствии с его мировидением, индивидуально-авторскими особенностями стиля, направления и художественным замыслом. Как отметил В. Брюсов, художник сам творит мир: «…формы, длящейся во времени, протяженной в пространстве, подчиненной закону причинности вселенной, обусловлены свойствами нашей воспринимающей способности» [5, с. 75].

Понятия *время* и *пространство* в поэтическом творчестве Бориса Пастернака и Андрея Белого имеют свою специфику. Для поэтического видения авторов характерно своеобычное расширение названных категорий – мышление веками и вечностью, широким, необозримым пространством. Вслед за исследователем И.И. Ковтуновой такие масштабные образы мы будем называть образами необъятного пространства и безграничного времени [2, с. 187, 195].

Образы необъятного пространства. Пространство, представленное в лирике Бориса Пастернака и Андрея Белого *всеохватно,* оно простирается до размеров Вселенной: *Не каждую сосну отдельно, / А полностью все дерева / Со всею далью беспредельной, / Как парусников кузова / На глади бухты корабельной...* («Ветер», Паст.); *Ты видишь – мантия ночная / Пространством ниспадает с плеч …необозримый мир, – / Дожди летящих метеоров, / Перерезающих эфир* («Демон», Бел.) *Так открываются, паря / Поверх плетней, где быть домам бы, / Внезапные, как вздох, моря. / Так будут начинаться ямбы* («Так начинают. Года в два…», Паст.) и др. Сема масштабности, необъятности в заданных идиолектах эксплицирована лексикой: *бесконечный, беспредельный, необозримый, безграничный, бескрайний, дальний, далекий; даль, простор, равнина* и др.

Предметом изображения в поэтическом творчестве авторов является целый мир. Сема безграничности реализуется посредством «космической» лексики: *вселенная, Млечный Путь, звезда, комета, луна, месяц, солнце, Венера, Марс, планета* и др.: *В Париже из-под крыши / Венера или Марс / Глядят, какой в афише / Объявлен новый фарс* («Ночь», Паст.); *Дороги мокнут, с крыш течет, / И солнце греется на льдине* («Единственные дни», Паст.); *Всплывая тихо месяц стыл / Обломком матовым оникса* («Преданье», Бел.); *И было небо вновь пьяно / Улыбкой брачною закатов* («Преданье», Бел.); *Черный бархат истыкан так щедро / бесконечностью огненных звезд* («Возмездие», Бел.) и др.

Надо отметить, что в поэтической картине мира Б. Пастернака нет традиционного изображения звезд и планет – объектов макромира – как чего-то недосягаемого. Эти космические тела являются частью земного мира, они почти физически ощутимы: *Когда еще звезды так низко росли?* («Степь», Паст.); *Ночь встает без сил с омета / И сор со звезд сметает* («Ночь», Паст.); *И солнца диск, едва проспавшись, сразу / Бросался к жженке и, круша сервиз, / Растягивался тут же возле вазы, / Нарезавшись до положенья риз* («Спекторский», Паст.) и др. В приведенных примерах вещам обихода придан особенный статус: дистанция между земным и космическим упразднена. Реализуя возможность сливать микро- и макропространственные явления, Пастернак возводит их в равноправные полюсы кореллятивной пары. Их смысловой контакт нивелирует различия будничного, малого и масштабного, космического. Снятием оппозиции, автор подчеркивает космическую всеохватность изображаемой действительности. На лексическом уровне это подтверждается тесным соседством «космической» лексики (*Венера, Марс, звезды, солнце* и др.) со словами поля пейоративности (*растягивался* (перен.), *круша, нарезавшись* и др.).

Лирике Б. Пастернака свойственно уравнивание случайного с сущностным: «чем случайней, тем вернее», поэтому деталь, мелочь, часто обретают большое значение, вселенский размах. В поэзии Б. Пастернака образы необъятного пространства включают конкретное лирическое событие, любую мелкую деталь, подробность в широкий, бесконечный мир. Так, в стихотворении «Марбург» лирический герой потерпел фиаско: возлюбленная отвергла его предложение. Однако самого героя обнаружить трудно: он замещается цепью пространственных объектов, рассыпается на ряды деталей и подробностей, которые его окружают: *Каждая малость / Жила, не ставя меня ни во что, / В прощальном значеньи своем подымалась*. Действующие лица стихотворения – артефакты (*плитняк, булыжник, черепица, кровли*) и натурфакты *(ветер, небо, «новое солнце», полдень)* переживают трагедию вместе с отвергнутым героем: *Плыла черепица, и полдень смотрел, / Не смаргивая, но кровли; Желтел, облака пожирая песок. / Предгрозье играло бровями кустарника, / И небо спекалось, упав на кусок / Кровоостанавливающей арники.* Так представлена среда существования лирического героя, «героя с метонимическими контурами, разбитого на куски синекдохами…» (Р. Якобсон) [6, с. 333 – 334]. Значительность конкретной вещи, конкретного события определяется его участием в жизни всего мира. Для Б. Пастернака характерно восприятие действительности через очевидное, неприглядное. Конкретная деталь и бесконечность мира воспринимаются поэтом в их единстве, и образ это единство передает [2, с. 188 – 189].

У Б. Пастернака есть образы, в которых пространство расширяется внезапно в конце стихотворения: *Дав страсти с плечь отлечь, как рубищу, / Входили, с сердца замираньем, / В бассейн вселенной, стан свой любящий, / Обдать и оглушить мирами.* («Уроки английского», Паст.); *Прикосновение руки – / И полвселенной в изоляции, / И там плантации пылятся / И душно дышат табаки* («Все утро с девяти до двух…», Паст.) – пространственное противопоставление в таких случаях передается, помимо контрастной лексики, композицией всего текста.

Для семантической области *пространство* характерным в творчестве анализируемых авторов является противопоставление *открытого / закрытого пространства.* Открытое пространство имеет, как правило, положительную оценочную характеристику и связано с понятиями свободы, воли, положительными эмоциями: *Улыбнулись века / В мировую даль* («Вечность», Бел.); *На то ведь и мое призванье, / Чтоб не скучали расстоянья, / Чтоб за городскою гранью / Земле не тосковать одной* («Земля», Паст.) и др.

В поэтическом языке анализируемых авторов преобладает открытое пространство, противопоставленное закрытому. Так, действие, разворачивающееся в замкнутом пространстве, устремлено вовне: из закрытого пространства в открытое, в бесконечность: *От окна на аршин, / Пробирая шерстинки бурнуса, / Клялся льдами вершин: «Спи, подруга, лавиной вернуся»* («Памяти Демона», Паст.); *И стены распались… И все отнеслось… / И лес проступил сквозь обои* («Сон», Бел.) и др. Надо отметить, что подобная оппозиция широко представлена в поэзии Серебряного века (Н. Гумилев, М. Кузмин, О. Мандельштам) [7, с. 50; 8, с. 87].

Открытое пространство у А. Белого и Б. Пастернака в значительной мере – пространство экстремальное, представления о котором нередко сопряжены с фактором опасности, враждебностью. В центре изображения находятся грандиозные стихийные явления природы. Номинаторы экстремального пространства (*волна, пропасть, буря, бездна, пучина, лавина* и др.) составляют обширную группу в поэтической картине мира авторов: *В окно врывалась повесть бури* («Из поэмы», Паст.); *Ломились ливни в окна спален* («Мефистофель», Паст.); *Обрушились суши / И горы, / Изгорбились / Бурей озера… / Разламывались холмы…* («Христос Воскресе», Бел.); *Пространство черное, ударь, / Как встарь, / Ударь – / Мечом ветров разящих* («Серебряная дева», Бел.); *Оборвут, / Как прах, – Ураганы: / Разорвут / В горах / Меня!* («В горах», Бел.) и др. В таких стихах природа обладает повышенной динамичностью, что репрезентируется глаголами движения (*врываться, ломиться, бросаться, прыгать, разо-*

рвать и др.). В метафорах изображается движение, которое можно увидеть в реальном мире. Нередко динамика усиливается за счет позиции движущегося наблюдателя. Движение наблюдателя приводит в движение окружающий мир, который является неподвижным или менее подвижным, при взгляде на него из неподвижной точки. Наблюдатель движется в поезде, в авто: *Кругом толпились гор отроги, / И новые отроги гор / Входили молча по дороге / И уходили в коридор* («Волны», Паст.); *Навстречу мне на переезде / Вставали ветлы / Пустыря* («На ранних поездах», Паст.); *Водой захлебываясь, / На волос / От затопленья суда / Ныряла и светильней плавала / В лампаде камских вод звезда* («На пароходе», Паст.); *Пролетают – вон там и вон здесь – / Пролетают – за селами села, / Пролетают – за весями весь* («Железная дорога», Бел.) и др.

Большое необозримое пространство (*небо, земля, простор, даль* и др.) выступает в художественной картине мира Бориса Пастернака и Андрея Белого в качестве деятеля: *Дремала даль, рядясь неряшливо / Над ледяной окрошкой в иней, / И вскрикивала и покашливала / За пьяной мартовской ботвиньей* («Встреча», Паст.); *Земле дышать ботвой картошки / И стынуть больше невтерпежь* («Заморозки», Паст.); *Безмерные вселенные глядятся / В незрячих чувств бунтующие тьмы* («Н.В. Бугаеву», Бел.) и др.

И у Бориса Пастернака, и у Андрея Белого присутствуют образы, проходящие через все творчество. У первого таковым является образ *Млечного Пути*: *С левкоем Млечный Путь / Одною лейкой полит. / И близостью чуть-чуть / Цветам глаза мозолит* («Как кочегар на бак…», Паст.); *И страшным, страшным креном / К другим каким-нибудь / Неведомым вселенным / Повернут Млечный Путь* («Ночь», Паст.) и др.

В художественной картине мира Андрея Белого одним из доминирующих образов является *солнце*. В разные периоды творчества автор изображает солнце по-иному. Солнце предстает в образе *щита, шара, диска, факела, кольца, кубка: А над морем садится / ускользающий, солнечный щит* («Золотое руно», Бел.); *…шар солнца почил* («Золотое руно», Бел.); *Диск солнца грузно ниспадал* («Преданье», Бел.); *…светило дневное, / Что факелом вновь зажжено* («Золотое руно», Бел.); *И червонное солнца кольцо* («Асе», Бел.)*; Лучистое кольцо / Ушло в небытие* («Кольцо», Бел.); *Солнце – выбитый светом потир, – / Точно выпитый кубок вина* («Леопардовая лапа», Бел.) и др.

Образы безграничного времени. Еще одна важная категория в художественной картине мира Бориса Пастернака и Андрея Белого – время. Для поэтического видения обоих авторов характерно расширение времени – мышление масштабными темпоральными категориями: *Мгновенье длился этот миг, / Но он и вечность бы затмил* («Тема с вариациями», Паст.); *Открылся ряд тысячелетий длинный / Из мглы веков сквозь полусумрак серый* («Старинный друг», Бел.) и др. Такие образы, условно названные И.И. Ковтуновой образами безграничного времени, передают «ощущение расширенного времени (выражая этим интенсивность чувства), мышление веками, чувство истории и идею вечности, бессмертия» [2, с. 195].

Художественная картина мира авторов охватывает огромные временные отрезки: *Он встает. Века. Гелаты. / Где-то факелы горят. / Кто провел за ним в палату / Островерхих шапок ряд? // И еще века. Другие. / Те, что после будут. Те, / В уши чьи, пока тугие, / Шепчет он в своей мечте… Как гроза, в пути объемля / Жизнь и случай, смерть и страсть, / Ты пройдешь умы и земли, / Чтоб преданьем в вечность впасть* («Художник», Паст.); *Тысячелетием плачет печаль* («Маленький балаган на маленькой планете «Земля», Бел.); *Над головой полет столетий быстрый* («Я вознесен, судьбе своей покорный…», Бел.) и др. В семантической области *время* у заданных авторов преобладает лексика, обозначающая масштабные временные отрезки: *век, тысячелетие, вечность, эпоха* и др.

Идиотипической чертой пастернаковских образов безграничного времени является их насыщенность: время раздвигает границы, удлиняя малый промежуток до вечности. Такие образы косвенно свидетельствуют о повышенной концентрации событий и чувств [2, с. 196]: *Это ведь значит — века напролет / Ночи на щелканье славок проматывать!* («Сложа весла», Паст.); *Прошли года. Прошли дожди событий, / Прошли, мрача Юпитера чело. / Пойдешь сводить концы / За чаепитьем, — / Их точно сто. / Но только шесть прошло* («Спекторский», Паст.); *И полусонным стрелкам лень / Ворочаться на циферблате, / И дольше века длится день, / И не кончается объятье* («Единственные дни», Паст.) и др.

Хронотоп в художественной картине мира авторов, сочетая безграничность пространства и времени, также характеризуется масштабностью, всеохватностью: *Это ведь значит – объять небосвод, / Руки сплести вкруг Геракла громадного, / Это ведь значит – века напролет, / Ночи на щелканье славок проматывать* («Сложа весла», Паст.); *Тенистая полночь стоит у пути, / На шлях навалилась звездами, / И через дорогу за тын перейти / Нельзя, не топча мирозданья* («Степь», Паст.); *Туда, – в развалы грозной эры / И в визг космических стихий, – / Туда, – в светлеющие сферы, / В грома летящих иерархий* («Родине», Бел.) и др.

Для исследования были избраны такие явления, которые относятся к разряду значимых для поэтического мировоззрения и художественной картины мира Бориса Пастернака и Андрея Белого и проходят

через все творчество поэтов. Выделенным характеристикам идиостилей Белого и Пастернака в разные периоды творчества характерен ряд своих особенностей. На каждом этапе творчества названные специфические черты имели разную интенсивность проявления, свои способы и средства репрезентации.

Выводы. В образной структуре художественных произведений, в языке поэзии отражается атмосфера и дух времени. Образные модели действительности, представленные в художественном произведении, зависят от объективных свойств пространственно-временного континуума, от цепи субъективных факторов, от исторической изменчивости художественного сознания, от установок творческого метода, художественного направления, от идеологических, психологических, гносеологических позиций художника, от конкретной задачи, которую поставил автор.

Через все творчество А. Белого и Б. Пастернака проходят образы большого необозримого пространства и безграничного времени, бурные стихийные явления природы с повышенной динамичностью. Надо отметить, что анализируемая особенность творчества характерна не только Пастернаку и Белому. Однако нам представляется, что именно в их поэтическом языке эта тенденция представлена ярко и своеобычно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эйхенбаум, Б.М. Конспект речи о Мандельштаме / Б.М. Эйхенбаум // О литературе. Работы разных лет / Эйхенбаум Б.М. – М.: Советский писатель, 1987. – С. 446 – 449.
2. Ковтунова, И.И. О поэтических образах Бориса Пастернака / И.И. Ковтунова // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Опыты описания идиостилей / В. П. Григорьев [и др.]; отв. ред. В.П. Григорьев. – М.: Наука, 1995. – С. 132 – 304.
3. Брюсов, В. [Рецензия] / В. Брюсов // Андрей Белый: pro et contra / Сост., вступ. статья, коммент. А.В. Лаврова. – СПб.: РХГИ, 2004. – С. 69 – 70. – Рец. на кн.: Белый, А. Золото в лазури.
4. Поцепня, Д.М. Образ мира в слове писателя / Д.М. Поцепня. – СПб.: Изд-во С.-Петербург, ун-та, 1997. – 264 с.
5. Брюсов, В. [Рецензия] / В. Брюсов // Андрей Белый: pro et contra / Сост., вступ. статья, коммент. А. В. Лаврова. – СПб.: РХГИ, 2004. – С. 75 – 76. – Рец. на кн.: Белый, А. Возврат. III симфония.
6. Якобсон, Р. Работы по поэтике / Р. Якобсон. – М.: Прогресс, 1987. – 460 с.
7. Касюк, Н.С. Концептуализация пространства в поэтических текстах Н. Гумилева / Н.С. Касюк // Текст в лингвистической теории и методике преподавания филологических дисциплин: материалы III Междунар. науч. конф., 12 – 13 мая 2005 г., Мозырь: в 2 ч. / отв. ред. С.Б. Кураш и др. – Мозырь, 2005. – Ч. 1. – С. 50 – 51.
8. Касюк, Н.С. Некоторые аспекты концептуализации времени и пространства в поэтическом идиолекте Михаила Кузмина / Н.С. Касюк // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования: материалы междунар. науч. конф., Брест, 17 – 18 нояб. 2005 г.: в 2 ч. / Мин-во образования Респ. Беларусь, Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина; редкол.: Е.И. Абрамова [и др.]. – Брест, 2006. – Ч. 2. – С. 86 – 89.

Поступила 21.03.2007